

A full-page illustration of Spider-Man Miles Morales in his black and red 'Ultimate' style suit. He is shown from the waist up, hanging upside down with his arms outstretched. The background features a cityscape at dusk or dawn, with the Empire State Building prominently visible. The sky is a mix of orange, yellow, and blue.

MARVEL

ЧЕЛОВЕК-ПАУК

МАЙЛЗ МОРАЛЕС

ОФИЦИАЛЬНЫЙ
ПРИКВЕЛ
К ИГРЕ
«МАЙЛЗ
МОРАЛЕС»

КРЫЛЬЯ ЯРОСТИ
БРИТНИ МОРРИС

Бриттни Моррис
Человек-Паук. Майлз
Моралес. Крылья ярости
Серия «Вселенная MARVEL»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65823537

*Человек-Паук. Майлз Моралес. Крылья ярости: [роман] / Бриттни
Моррис: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-135809-9*

Аннотация

Очень многое навалилось на Майлза Моралеса: потеря отца, переезд в другой район к бабушке и, в довершение всего, получение суперспособностей. После недоразумения с нарушением закона ему придется ответить на вопрос, что же значит быть героем, если люди сразу подозревают в нем худшее. Наделенный властью и свободой от суперспособностей, Майлз должен решить, каким именно Человеком- Пауком он хочет стать.

Когда Стервятник вместе с новым сообщником по имени Скворец начинают сеять хаос по всему городу, Майлз не может остаться в стороне. Вместе с Питером Паркером два Человека- Паука обязаны остановить крылатый дуэт, прежде чем те распространят экспериментальные технологии по всему городу.

Сможет ли Майлз шагнуть вперед и стать героем, когда его жизнь находится в опасности?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	40
Глава 5	53
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Бриттни Моррис Человек-Паук. Майлз Моралес. Крылья ярости

Brittney Morris

Spider-man: Miles Morales – Wings of fury

© 2021 MARVEL

© 2021 Sony Interactive Entertainment LLC. Game
developed by Insomniac Games, Inc.

*Посвящается настоящим героям, моим
племянникам и племянницам:*

Кайли

Джону IV

Сэмми

Дэвиду

Али

Тэйлор Эбигейл

Аарону

Ноа

Чарли

Я вас люблю!

Глава 1

Я ДЕЛАЮ вид, что коробка с моим звуковым оборудованием гораздо тяжелее, чем есть на самом деле.

Нагнувшись, обхватываю ее за края и поднимаю, а затем, кряхтя для убедительности, иду вверх по лестнице. Похоже, мама купилась на мой спектакль. Она одобрительно кивает, проходя мимо к входной двери. На улице в грузовике ее ждет еще одна коробка.

– Бабуля! – выкрикиваю я, заметив, что дверь с надписью «Квартира № 3» снова захлопнулась. – Подержи дверь!

Обычно бабушкин разум – что заточенная сталь, но се-

годня у нее обнаружилась привычка закрывать дверь после каждой внесенной в квартиру коробки, и делала она это с паразитической настойчивостью.

– Бабуля! – кричу я снова и не получаю ответа. Дверь по-прежнему заперта.

Ботинок скрипит о последнюю ступеньку на моем пути, и я едва перебарываю желание *облегчить* себе задачу. Ведь можно просто приклеить край двери к стене паутиной...

Жалея, что не получится воспользоваться способностями Человека-Паука, я вздыхаю и пользуюсь способом для обычных людей: аккуратно опускаю коробку на скрипучий пол и поворачиваю ручку двери.

Как Майлз.

В комнате, куда я попал, пахнет старинной мебелью, которая наверняка старше меня, и только что заваренным кофе (на столе стоит банка кубинского кофе). Ставлю коробку на стол и прячу руки в карманы свитера – здесь холодно. Большая часть жителей Нью-Йорка с радостью включали бы отопление при первых признаках осени, но только не *моя* бабуля (в знак неодобрения этой привычки покачиваю головой) – *она* не признает отопления до первых дней декабря.

– Мы ведь не украшаем дом к Рождеству, пока не справили День благодарения, – делится она мудростью.

Я осматриваюсь. На стенах почти везде теснятся пыльные фотографии: вот моя мама широко улыбается в мантии выпускницы. На другом снимке она держит на руках совсем

маленького меня. Дальше – свадебная фотография моих родителей.

На нее я смотрю с печальной улыбкой, в груди что-то сжимается от боли. Я киваю и шепчу:

– Она приехала, папа. Мы в хороших руках.

– Майлз, это ты? – из коридора донесся хрипловатый старческий голос и отвлек меня от мыслей. Я слышу, как по ковру шаркают ноги в тапочках. – Ты уже поднялся. Это, значит, последняя коробка? – спрашивает бабуля. Она подходит и обнимает меня за плечи, в ответ я наклоняюсь и прижимаю бабушку к себе.

– Осталась еще одна. Мама принесет, – отвечаю с улыбкой. – Вот мы наконец и въехали.

Я еще не успел договорить, а бабушка уже доставала из отделения под духовкой сковородки и котелки.

– Куда ж я подевала?...

– Может, тебе помочь? – предлагаю я.

– Нет-нет, – уверенно отказывается она. С другого конца стола я вижу лишь ее руку, которой она отмахивается от моего предложения. – Может, у меня и старые кости, но неужели я плантаны *сама* не пожарю? А *ты* со своими крепкими косточками лучше коробки распакуй. Вот это будет помощь.

Бабушка наконец выпрямляется – в руке у нее *огромная* сковорода – и смотрит на меня.

– Спасибо, внучек, – говорит она с теплотой, хотя в комнате ужасно холодно. Бабушка похлопывает меня по щеке. –

Хороший мой мальчик.

Я улыбаюсь в ответ и кладу ладонь на ее пальцы.

– Ты так на него похож, – произносит бабушка задумчиво и отстраненно. – Глазки папины. – Она опускает руку к моей груди и легонько похлопывает. – И его сердце.

Я теряюсь, не зная, как отреагировать, и просто киваю. После гибели отца меня часто с ним сравнивают: «Ты так на него похож»; «У тебя грубеет голос, становится прямо как у отца»; «Я сначала принял тебя за Джеффа».

Я оглядываюсь на свадебное фото мамы и папы. Отец стоит в униформе с кепкой, лицо его серьезно, но светится гордостью оттого, что он стоит рядом с мамой.

Они на фото такие счастливые.

– Ну вот и все! – восклицает мама, заходя в квартиру с очевидно тяжелой для нее коробкой. Я спешу ей помочь.

– Отпускай, мам, я держу, – требую я, подхватывая коробку за дно.

– Фух! – мама с облегчением отдает вещи и запирает дверь. – Это последняя. Хотите пиццу?

– Рио, я уже залила масло в сковороду, буду готовить то-стонес! – кричит из кухни бабушка.

– Для *них* у нас место тоже останется, мама. Уверена, Майлз не откажется ни от того, ни от другого.

Я *просто умираю* от голода, и, когда слышу про пиццу, желудок протяжно урчит, а я отчаянно киваю в знак согласия. Сажусь на высокий стул.

– Тостонес как раз хорошо пойдут перед пищей, бабуль. Честное слово, я готов умять всё.

– Что ж, – говорит бабушка со вздохом, вытирая руки о фартук. – Ты всегда любил пиццу, Майлз, да и по Бруклину скучаешь, наверное. Но тут, в Гарлеме, есть свои чудесные пиццерии. Рио, будешь заказывать – звони в «Алессандро».

Бабушка отбирает три огромных овощных банана из чашки на столе, берет нож для чистки и идет со всем этим к разделочному столу рядом со мной.

Мама кивает:

– Какую хотите?

– Ох! – я так тороплюсь заказать, что даже не успеваю понять, чего хочу. – Мне «Пепперони» с оливками! – Эта пицца возвращает меня в детство. Когда у меня выдавался тяжелый день в школе или у папы были сложности на работе, он всегда приносил пиццу с пепперони и оливками из ресторанчика в Бруклине.

Переезд – дело непростое, а значит, и эта пицца будет как раз к месту. Я поднимаю глаза на маму и пытаюсь угадать, думает ли она о том же. Она набирает номер.

Вдруг я кое о чем вспоминаю и перевожу взгляд на бабушку. Она чистит первый плантан, откладывает шкурку в сторону, а потом нарезает колечками, которые падают на подставленную заранее тарелку.

– Бабушка, а где Ганке? – спрашиваю я. – Он же обещал приехать еще час назад.

Бабушка сосредоточенно оборачивает беконом кусочки плантана, будто нежными цветочными лепестками.

– Наверное, скоро придет, – отвечает она, и мы тут же слышим стук в дверь. Мама разговаривает по телефону, поэтому я вскакиваю со стула и тороплюсь открыть. Смотрю в глазок. По ту сторону стоит Ганке с пакетом снеди и смотрит сквозь глазок прямо на меня.

– Пароль!

– Я принес «Физзи»! – сочным голосом отвечает он.

Быть *не может*! Я, весь в возбуждении, распахиваю дверь.

– Мою любимую шипучку? – взволнованно спрашиваю я. – Разве где-то кроме Бруклина ее продают? И... не холодно ли сегодня для таких напитков?

Ганке пожимает плечами.

– Знаю я одного парня... – Ганке ухмыляется и протягивает мне содовую со вкусом апельсина и сливок, а бабушке – вишневую. – Для «Физзи» *никогда* не бывает холодно.

По бутылочкам сбегает холодные капли конденсированного пара.

– Спасибо, друг, – говорю я искренне. Ганке вообще не обязан был помогать нам с переездом, тем более в Гарлем, но все же пришел, пусть мы и справились с коробками без него.

– Не благодари. – Он снова пожимает плечами, и мы садимся на высокие стулья рядом с кухонной стойкой. – Раз уж я опоздал, давайте помогу распаковать вещи. Где коробка,

которую мы возьмем в Бруклин?

Он имеет в виду вещи, которые понадобятся в общежитии. Мы оба будем учиться в Бруклинской академии «Вижнс», и, раз я теперь живу в Гарлеме, мне придется поселиться в общежитии неподалеку от школы. Соседа лучше, чем Ганке, не найти. Он тихий, большую часть времени слушает музыку, читает комиксы или чем-то занимается в телефоне: все делает какие-то приложения.

Я уточняю:

– Две коробки. Они у мамы в комнате.

В одну из них сложено постельное белье, включая новенький серый комплект, который, как сказала мама, «отлично подойдет к школьной форме, папкам для бумаг и карандашам», средства для умывания и волос и еще комиксы. Во второй – мои вещи, форма, к которой, по маминому мнению, непременно должно подходить по цвету постельное белье.

А кто подбирает одежду под цвет постели?

Заучки, вот кто.

Опускаю взгляд на вторую коробку с вещами, с одеждой *Майлза*, если точнее. Костюм Человека-Паука – удобные кофта и легинсы, веб-шутеры и маска – надежно спрятаны в рюкзаке с эмблемой Бруклинской академии «Вижнс». Туда мама не полезет ни в коем случае, только если я сам не попрошу. Мы договорились, что мой рюкзак – то же самое, что и ее сумочка. Я не лезу в ее вещи, она – в мои.

– Так, пиццу привезут минут через двадцать, – говорит

мама. – Ганке, нам с тобой я заказала гавайскую, ведь только мы, как культурные люди, способны *оценить* в ней кусочки ананаса. – Она бросает взгляд на нас с бабушкой, а мы оба морщимся. Я скорее съел бы пиццу с бананами или зубной пастой, но только не с ананасами. – Мама, Майлз, вам «Пепперони» с оливками.

– Спасибо, миссис Моралес, – певучим голосом произносит Ганке (особенно красивая и мелодичная речь в его исполнении предназначалась только моей маме). Я закатываю глаза. – Майлз, я тебе тут тоже кое-что принес. – Он запускает руку в карман. – Смотри-ка, что раздобыл!

Я разворачиваю серый тканевый сверток и вижу знакомую эмблему.

– У тебя *две* шапочки? Как ты вторую достал?

– Я ж говорил, – пожимает плечами Ганке, – знаю одного парня.

Он натягивает на себя одну из шапочек.

Я ухмыляюсь. Да никого-то он не знает.

– Ладно, на самом деле заказал через бота, как только на сайте выложили новую линейку одежды, – признаётся он.

– Так и знал.

– *Но!* Заметь, на какое благое дело я пустил свои таланты! Теперь мы гордые обладатели вожделенных теплых шапочек с эмблемой Бруклинской академии. Не благодари.

– Наверняка пригодится: похоже, зима в этом году спешит начаться пораньше, – хрипловато бормочет бабуля, закиды-

вая в нагретое масло по очереди четыре кусочка плантана. Они кружатся в кипящей жидкости, постепенно покрываясь золотистой корочкой. Масло шипит и брызгает в стороны, а я чувствую за ухом щекотку: это паучье чутье подсказывает, что в опасной близости оказалась обжигающая жидкость.

– Только не забудь подписать свои вещи на ярлычке, – говорит мама, – а то перепутаешь с чужими.

– Хорошо, мам, спасибо, – соглашаюсь я, хотя и не собираюсь делать ничего подобного. Если кто-то случайно заберет мою шапку, искать они меня не станут, а если не случайно, значит, возвращать вещь никто и не собирался. К тому же кому в голову придет подписывать свои вещи? *Заучкам.*

На большинстве вещей сейчас и писать-то негде – это *раньше* на них были специальные тканевые ярлычки, которые располагались сзади на воротнике и царапали шею.

– Ты же не будешь ничего подписывать, да? – шепотом спрашивает Ганке.

– Я что, третьекласска? – тихо отвечаю я.

Итак, имя свое я нигде не пишу. Вместо этого мы с Ганке делаем селфи в новых шапках. Ведь какой смысл обладать вещью, которую все жаждут, если не похвалиться ей перед всеми?

Вскоре звонят в дверь, мама открывает, и мы устраиваемся кто на диване, кто на стуле, кто оперевшись на стол и принимаемся за пищу и бабушкины хрустящие жареные плантаны.

НАБИВ живот так, что уже не могу пошевелиться, и заметив, что снаружи стемнело и улицу освещают лишь желтые окна домов, я уже не испытываю никакого интереса к программе по телевизору, и глубоко вздыхаю.

Признаюсь честно, наш новый дом – отличное местечко. Просторное, с красивой и удобной мебелью (я мог бы уснуть прямо там, где ел) – а теперь тут витает дух приправ пиццы с пепперони и жареного лакомства. *К тому же* теперь мы живем с бабулей, а с ней не соскучишься. Нам с мамой больше не будет одиноко, хотя пока что я не избавился от этого чувства. В душе еще зияет незатянувшаяся рана, и она ноет, как только я вспоминаю о семье, оставшейся в прошлом. Даже наевшись пиццы от «Алессандро», даже спустя много месяцев, я жду, что папа придет домой с коробкой из «Бабушкиной пиццерии» и спросит, как у меня дела. Точнее, я бы этого ждал, будь мы сейчас дома.

Тут все иначе.

Это не наш дом.

И в то же время наш. Похоже, мама заметила мою задумчивость. Она резко встает и начинает прибираться. Бабушка в кресле зевает. Ганке поднимается, почесывая оголенный живот, а затем одергивает кофту, чтобы его прикрыть.

– Ну что ж, – говорит он, – электрички людей не ждут. Пойду, пожалуй, а то не успею к десяти в общежитие. Охранник закрывает двери точно по часам. Тот, кто дежурит сего-

дня, вечно выглядит так, будто ничего хорошего в жизни не видел с момента, как его «Браунс» выиграли в Суперкубке.

Повисает долгая пауза, а потом бабуля говорит:

– А выигрывали они в последний раз, когда я еще на лошади в Мемфис ездила.

– Что-что? – спрашивает мама. – На лошади? Правда?

– Рио, ты такая простофиля, вся в отца, – смеется бабушка, а мы с Ганке улыбаемся ей.

– *Не* простофиля, – с улыбкой отвечает мама. – Просто я тебе обычно *верю*.

– Ой, не пререкайся со мной тут, – шутливо осекает ее бабуля. – Лучше помоги убрать коробки от пиццы.

– Жаль, не смогу помочь, – говорит Ганке, закидывая на спину рюкзак и направляясь к двери. – Надо *бежать*. Майлз, хочешь, заодно возьму твои вещи?

– Это же целая коробка! Зачем тебе тащить ее в метро? – спрашивает мама. – Не лучшая идея. А если это опасно? Вдруг тебя ограбят!

– Миссис Моралес, – проговаривает Ганке с самым *утонченным* британским выговором, на который способен. – Я боролся против страшных ветров, брел в ужасных туманах, проносил тяжелейшие ноши сквозь бури, град и козни врагов. Доберусь.

– Ладно, ладно, милорд, как пожелаете, – соглашаюсь я. – Сейчас принесу.

– Так затейливо меня еще не благодарили, – весело откли-

кается Ганке, а я уже тороплюсь в мамину комнату.

В конце коридора я стараюсь нащупать выключатель, затем открываю комнату, захожу, и меня сразу охватывает странное чувство.

Здесь стоит вся мебель из маминой комнаты: кровать, тумбочка, шкаф. На кровати разбросана одежда. Но это не *ее* комната. В *ее* на стене, прямо под окном, было таинственное пятно. На батарее у шкафа от перепадов температуры остались полосы. Дерево, выросшее во дворе за окном, царапало стекла, потому что, как говорила мама, «городские службы летом совсем не торопятся приводить растительность в порядок».

Я вздыхаю. Каким бы чужим ни казалось это место, я живу *здесь*. Когда я говорю Ганке, что поеду домой на выходные, я имею в виду *этот* дом, а не Бруклин. Так что лучше бы мне привыкнуть.

Как знать, может, и стоит погулять по окрестностям, вдруг станет лучше.

Я нахожу у шкафа нужную коробку, наклоняюсь и поднимаю ее. Эта немного легче, чем другая, поэтому Ганке не должно быть с ней тяжело в метро. Она, кстати, еще и сравнительно небольшая. Возвращаюсь в комнату. Ганке смотрит телевизор, оперевшись на входную дверь.

– Вот коробка. Спасибо большое. Ты мне очень помог.

– Да не за что, – отвечает Ганке, забирая вещи. Ему явно неудобно, но он старается этого не показывать. В глубине

души мне хочется остановить время, схватить коробку и на паутине быстро добраться до Бруклина – это займет меньше получаса. И вообще, нечестно заставлять Ганке идти с ношей по лестнице, по улицам, потом снова по лестнице, заходить в метро, выковыривать одной рукой проездной, тащить ее в вагон, потом пересаживаться на другой поезд, *снова* идти по лестнице и по улицам. Наверное, именно это имел в виду Питер, когда говорил, как сложно держать свои суперспособности в тайне.

И вот я с балкона наблюдаю за тем, как Ганке переваливается по лестнице и отправляется в долгий путь в Бруклин, который еще вчера я называл домом.

Буквально вчера.

– До завтра! – говорю я.

– Ага, до завтра, – бурчит Ганке.

Я возвращаюсь в гостиную. Мама улыбается мне, облокотившись на кухонную стойку. Бабуля сидит в любимом кресле перед телевизором и смотрит на меня. С подозрением поднимаю бровь. В последний раз они на меня так смотрели перед тем, как произнести: «Неплохо бы тебе сходить к психологу». Это было после смерти отца, так что сейчас я в ужасе жду и якобы непринужденно упираюсь ладонью в стену, как будто меня вовсе не беспокоят выражения их лиц.

– Что? – спрашиваю я. – Почему вы так смотрите?

– Как «так»? – уточняет мама и подходит ко мне, проводит рукой по моей щеке и целует меня в лоб. – Я смотрю на тебя

так, будто ты мой сын и я тебя люблю.

По моему взгляду она заметила, что я не купился и жду объяснений.

– Мы с бабушкой тут подумали, – сдается она, закатывая глаза, – что тебе не мешало бы прогуляться. Ну, осмотреться. Пока еще *не совсем* стемнело. Не отходи дальше, чем на пять кварталов, не забудь телефон, возвращайся через час, капюшон не надевай, руки в карманы не прячь. И не разговаривай с незнакомцами...

– Отличное предложение, – говорю я и улыбаюсь. Я не вру: мне действительно не помешало бы немного свежего воздуха. Да и растрясу сытную пиццу. Я выглядываю из окна гостиной и глубоко вздыхаю. Меня не оставляет мысль о том, как было бы здорово сейчас прыгать на паутине с Бруклинского моста, перескакивать на крышу автобуса, делать обратное сальто и мягко спрыгивать на землю.

Но здесь, в Восточном Гарлеме, где я никого не знаю и бывал только проездом, наверное, лучше будет просто пройтись. Я хватаю со стула кофту с капюшоном, у двери натягиваю кроссовки и завязываю шнурки. Мама целует меня еще раз, я беру ключи со стола, снова – надеюсь, в последний раз – выслушиваю, что гулять можно не дальше, чем в пяти кварталах от дома, телефон надо держать с собой, вернуться – через час, капюшон не надевать, руки в карманы не прятать, с незнакомцами не говорить, и, наконец, я готов спуститься по лестнице и отправиться изучать местность.

Глава 2

Я ПОДНИМАЮ рюкзак, который лежит у двери, оказавшийся неожиданно тяжелым. Закидываю его на плечо и машу на прощание маме и бабушке. Спустившись по лестнице, толкаю дверь и оказываюсь на темной прохладной улице. Натягиваю пониже рукава, застегиваю на кофте молнию. Здесь *намного* холоднее, чем мне казалось, но я ведь недолго пробуду на улице, только голову проветрю. В воздухе витает свежий аромат с нотками стирального порошка и... кажется, моторного масла. Так или иначе, чего-то грубого и едкого. *Это* напоминает мне о жизни в Бруклине. Направля-

юсь вдоль по тротуару и сразу замечаю на стене рисунки. Это портреты Розы Паркс, Мартина Лютера Кинга и еще одного, судя по всему, очень важного для общества чернокожего парня, которого никак не могу вспомнить (он в очках, с усами и напоминает профессора). Тени и очертания портретов не просто нанесены мазками краски, они созданы из тысячи слов на испанском языке. Некоторые несложно узнать: это *amor*, *paz*, *esperanza*, and *paciencia*¹, – а другие я не понимаю: *grandeza*, *cambio*, *derechos civiles*².

Наверное, этот третий тоже по-своему велик, решаю я и иду дальше.

Я слышу, как кто-то весело смеется – так хохотал мой дедушка, заливисто и заразительно, и рядом с ним не засмеяться самому было невозможно. Я оборачиваюсь на звук: оказывается, там двое – пожилой мужчина и парень моего возраста – нависли над домино и увлеченно играют. Взрослый с хлопком опускает кость на стол, поднимается из-за стола, по-старчески упирая руки в колени, и снова смеется.

– Думал, подловишь меня на каком-нибудь промахе, а? – говорит он трескучим голосом. – Попробуй в другой раз, малец. Я в эту игру играю дольше, чем ты живешь.

Я улыбаюсь, вспоминая своего дедушку. Мы часто играли в Проспект-парке в шашки и не замечали, как летит время: сидели среди зелени весь день напролет, пока закатные лучи

¹ Любовь, мир, надежда и терпение (*пер. с исп.*).

² Величие, изменение, гражданские права (*пер. с исп.*).

не украшали небо. После смерти бабушки мы играли уже с папой: он хотел подхватить эстафету.

В кармане дважды вздрагивает телефон. Вытаскиваю его и смотрю на экран – сообщение:

МАМА: Повесила куртку у двери, если ты вдруг замерзнешь в кофте.

Улыбаюсь и шлю в ответ:

Я: Спасибо, мам, мне не холодно. На улице вполне неплохо.

И это не только про погоду. Откуда-то сверху, с балкона, слышится музыка с мощными басами. Сегодня я видел рисунок парня, похожего на меня, двоих игроков в домино, напоминавших меня и бабушку, только что прошел мимо девушки в вязаной шапочке и перчатках без пальцев, которая терзает струны и издает звуки, казалось бы, слишком низкие для ее связок. Я скучаю по Бруклину. Думаю, всегда буду скучать по своей прошлой жизни. Но тут... Похоже, тут вполне терпимо.

Вдруг я замечаю целую стену уличного искусства: радуга цветов, разлитая от тротуара до самой крыши и покрывающая каждый кирпичик. Я могу разобрать несколько слов, в основном тут написаны имена. Но остальные никак не удастся прочесть, не потому, что слишком уж неразборчиво,

и не потому, что такие крупные буквы можно целиком рассмотреть только издалека. Просто почти всю стену закрывает огромный свежий рекламный плакат больнично-белого цвета с надписью «Террахил». Посреди плаката изображено сине-золотое лого с аптечкой первой помощи наверху. Казалось, что повесили все это намеренно, будто кто-то посмотрел на стену, подумал: «Какая гадость!» – и распорядился прикрыть рисунки большой, торжественной растяжкой с рисунками из фотостока, которая на космической станции смотрелась бы куда больше к месту, чем посреди жилого квартала. Хотя если бы кто-то и хотел очистить стену от граффити, стоило взять полотно побольше. Я-то все равно сначала заметил рисунки и только потом баннер, из-под которого в молчаливом протесте разбегались яркие надписи.

Я никогда не слышал о компании «Террахил», но, ясное дело, основана она не в скромном Восточном Гарлеме. В нижнем правом углу указана тонким и мелким шрифтом информация о патенте. Чтобы прочитать надпись, мне придется подойти вплотную.

Снова жужжит телефон. Я вспоминаю, что сообщений приходило два. Заглядываю в мессенджер и вижу, что мне писал Питер.

ПИТЕР: Привет. Занят сегодня?

ПИТЕР: Я просто подумал, мы могли бы потренировать-

ся.

Я улыбаюсь. Я готов написать ему «ДА» большими жирными буквами, добавив еще и длинный ряд эмоджи. Но потом оглядываюсь через плечо и бросаю взгляд на небольшое открытое окошко на пятом этаже здания между прачечной и угловым магазином. Я знаю, что за тем окном в маленькой комнате двум женщинам нужна моя помощь. Им нужно видеть мое лицо. Нужно знать, что я цел и невредим.

Я: Питер, извини, не могу. Помогал маме разбирать вещи. Очень устал. Может, завтра?

И вдруг он звонит. Отвечаю:

– Алло?

– Привет, Майлз! Сегодня переезжали?! Извини, что не заглянул помочь.

– Да ничего. Тебе ведь наверняка пришлось обезвреживать очередных злодеев.

– Это точно. В Проспект-парке сцепились две собаки, а следом их хозяева. Пришлось разнимать этих драчунов.

Я улыбаюсь. Это так похоже на Питера – для него нет слишком незначительных или слишком сложных проблем. Наверное, это и значит быть Человеком-Пауком – помогать *каждому*, даже если кажется, что дело совсем несерьезное. Я поворачиваю за угол у конца квартала и иду дальше. Фона-

ри здесь стоят реже, мусора под ногами больше. Я чувствую, как на щеки и нос опускаются легкие снежинки.

– Ох. И как же ты с этим справился? – спрашиваю я.

– Пришлось отправить их в разные углы парка.

Я смеюсь:

– Как подравшихся детишек? Жестоко.

– Скорее как взрослых, у которых выдался тяжелый денек, – отвечает он. – Всем иногда нужно выпустить пар. Кстати о нем. Здесь как-то прохладно, да? Не помешало бы мне утеплить костюмчик.

Неожиданный звук отвлекает меня от мыслей: где-то наверху вдребезги разбивается стекло.

– Что это было? – спрашивает Питер.

– Не знаю. Но похоже на неприятности.

Раздается крик, а потом скрип подошв по засыпанному осколками бетону. За углом я замечаю яркую вспышку и, на ходу осматриваясь по сторонам, бегу к ней. Посреди улицы есть магазинчик бытовых мелочей – сейчас фонари горят только рядом с ним. Тротуар перед входом усыпан стеклом, часть витрины еще висит и раскачивается, но недолго: несколько секунд, и она падает, в стороны разлетаются осколки. Что происходит, пока неясно, но я уверен: хозяева магазинов не быют *собственные* витрины ради развлечения. До меня донесся звук, не предвещающий ничего хорошего: от этого вопля кровь стынет в жилах, – а потом раздается глухой стук, будто от столкновения двух крупных тяжелых

предметов. Возможно, это драка и кто-то попал в беду. Я, почти не думая, бросаюсь в ближайший переулок и прячусь за мусорным баком.

– Питер, мне надо идти, – быстро говорю я и бросаю трубку, не дожидаясь, пока он посоветует быть осторожнее или подождать его. Если уж он может без меня положить конец драке двух собак и их хозяев, то и я могу сам справиться с грабителем.

Снимаю рюкзак. Сейчас не время Майлза, пора выпускать Человека-Паука.

Я расстегиваю молнию и заглядываю в рюкзак, ожидая увидеть маску Человека-Паука, напоминающую о том, кто я на самом деле и на что способен. Ту самую, которую я взял у Питера, заставив трижды ее постирать. Неважно, где я и в каком настроении, стоит мне натянуть эту маску, как сразу становится лучше.

Но вместо нее в рюкзаке оказывается...

Стопка комиксов?

Вены на шее пульсируют. Я перебираю журналы.

– Нет, нет, нет! Что это такое? Как они здесь оказались?

Только теперь я замечаю небольшой ярлычок, на котором тонким маркером выведено одно слово: *Ли*.

Ганке Ли.

Я встаю и делаю пару шагов назад. Не хочется верить, что по пути на улицу я схватил не тот рюкзак. Сердце бешено колотится. Из магазина доносится очередной крик.

– Нет-нет-нет, не может этого быть, – шепчу я, хватаюсь за голову и нервно хожу кругами, пиная ногой пластиковый стаканчик.

Что делать?

Что делать?

Что же мне делать?

Стать Человеком-Пауком – отличный вариант, но такого у меня нет. Я – Майлз. Ганке уже давно ушел, и пока я до него доберусь, неразбериха в магазине закончится, а грабитель успеет убежать. Застегиваю рюкзак и закидываю его на спину. Подбегаю к углу и снова осматриваюсь. До меня доносится гулкий звук падения тяжелого предмета на пол, и я надеюсь, что это был именно предмет, а не человек. Я стараюсь подавить страх и понимаю: действовать надо быстро. В маске или без нее, только я могу остановить происходящее на моих глазах ограбление. Задумываюсь, не написать ли Питеру. Но не могу же я дергать его каждый раз, когда рядом совершают преступление? Что я за супергерой такой, если звоню своему учителю из-за каждого разбитого окна? Питер мне не нянька, в конце концов.

Руки потеют. В памяти всплывают слова, произнесенные отцом, прежде чем он вышел на сцену в здании городской администрации, и придают мне сил.

– Я не супергерой, – сказал он, прежде чем отправиться произносить речь. – Я просто человек, который не сдается.

Сегодня этим человеком буду я, решаю про себя. Без мас-

ки. Без паутины. Без Питера.

Просто я.

Я выбираю не сдаваться.

Страх, который до этого сковывал меня, превратился в силу. Я выхожу из-за угла, не спуская глаз с магазина, и иду к дверям. Под ногами хрустят осколки витрины, и чем ближе я ко входу, тем они крупнее. Торчащие из рамы остатки стекла иногда падают на пол и звякают. Внутри кто-то есть. Раздается громкий *треск*. Я отпрыгиваю и резко останавливаюсь. Снова *треск*: из другой витрины вылетает целая полка и падает на тротуар перед магазином.

Что там *делает* этот грабитель? В боулинг играет?

Через несколько секунд я уже жалею, что поинтересовался.

Вор, удивительно невысокий (примерно с меня), как пушечное ядро, вылетает наружу и падает лицом на усеянный осколками тротуар. Я морщусь, напрочь забыв, что должен его ловить, но тут же вспоминаю и бросаюсь в его сторону. Хватаю преступника за пояс, и мы снова падаем. Должно быть, в его кофте есть скользкие шелковые нити: вор умудряется гораздо быстрее, чем я ожидал, вывернуться из моей хватки.

Осколки оставили на моей руке рану, но сейчас не время об этом думать. Гораздо опаснее его...

Пум!

Меня ослепляет белая вспышка. Пахнет кровью. Через

мгновение в поле моего зрения появляется человек, который только что сбил меня с ног. Он стоит ко мне спиной, его плечо оттягивает ремешок большой брезентовой сумки. Я вижу такую же, как у меня, смуглую кожу, его нос уже моего, а глаза немного больше, брови сходятся на переносице, а лицо скривилось в злобной гримасе. Он смотрит куда угодно, только не на меня. Вдруг по его телу начинают плясать отблески синего и красного, и он в панике бросается прочь по улице. Я не без труда поднимаюсь на локтях, хотя голова пульсирует болью, а мир вокруг будто вертится. Я слышу удаляющиеся по улице тяжелые шаги, встаю на колени, и вдруг кто-то пинает меня под ребра.

– *Вот* ты где, мерзавец!

Я вижу, как к моему лицу стремительно приближается метла, и вскидываю руки, чтобы закрыться от щетинок и пыли.

– Я же говорила, он от меня не убежит! Думаешь, так просто вломиться в *мой* магазин в *моем* же районе и уйти как ни в чем не бывало?!

– Нет! – вскрикиваю я. Меня продолжают осыпать ударами, а я пытаюсь откатиться в сторону. – Это был не я! Это... А-а!

За каждым моим словом следует новый удар.

– Честно... – *шмяк!* – это – *шмяк!* – не – *шмяк!* – я! Тот – *шмяк!* – парень – *шмяк!* – сбежал.

Паучье чутье отдается трезвоном в шее с такой силой, что

мне кажется, его можно услышать.

Наконец перед глазами почти перестают плясать звезды и круги, я встаю на четвереньки, поднимаю глаза и смотрю на своего обидчика. Это женщина примерно моего роста, телосложением схожая с моей бабушкой. Глаза ее блестят, волосы стянуты в такой тугий пучок, так что я удивлен, что у нее нет головных болей.

Или они *есть*, и именно поэтому она хочет меня убить.

Красные и синие огни сейчас окружают нас со всех сторон. Я снова пускаюсь в объяснения и говорю, что она ошиблась, а за моей спиной раздается низкий вой сирены. Я быстро оборачиваюсь, прикрывая глаза от фонарей, благодарный людям, которые помогают нам с Питером ловить настоящих преступников – вроде того, кто только что сбежал. Я уже стою на ногах, и только теперь ощущаю, как под носом струится кровь, а пульсация из головы опускается в шею.

Как же хорошо, что они приехали. Они-то за меня поручатся.

– Офицеры, это он, – раздается сзади.

И тут я вспоминаю, что я без костюма. Сейчас я не Человек-Паук. Полиция никак не сможет отличить меня от грабителя.

Они видят темнокожего паренька в кофте с капюшоном, который стоит перед разбитой витриной.

И вот на меня смотрят дула пистолетов, щелкают предохранители.

– А ну-ка на землю, парень! Руки за голову!

Вот так, сейчас я просто какой-то парень. Обычный. *Предполагалось*, что я буду обычным парнем, который никогда не сдается, но, когда я поднимаю руки в воздух и опускаюсь на колени, глотая слезы, кажется, именно это я и делаю.

По крайней мере, хватают за плечи, прижимают к земле и надевают наручники довольно аккуратно. Но твердое железо впивается в кожу, и когда я уже лежу на тротуаре, жадно вытягивая воздух и стараясь не сдвинуть лицо ни на миллиметр (как раз подо мной осколки витрины), между лопаток на меня давит тяжелый полицейский сапог.

– Итак, что же тут стряслось, мэм? – раздается голос офицера. Я знаю, они обязаны меня никуда не отпускать, пока не выяснят «факты». Но у них есть только мое слово против слова хозяйки магазина, и именно у меня сейчас серый капюшон, лицо в крови и шаткое алиби. На их взгляд, если я и не грабитель, то наверняка *заодно* с ним.

– Что ж, – говорит дама, стукнув концом метлы об асфальт, явно пытаюсь напомнить, на что она способна. – Я отдыхала, готовилась к ночной смене, и вдруг *этот* парень врывается внутрь сквозь витрину и носится внутри, как адская летучая мышь...

– Это был не я! – кричу в ответ. – Тот парень...

– Помолчи, с тобой тоже скоро поговорим. Хорошо?

Хорошо. В смысле, надеюсь, все и правда *будет* хорошо. Только лежать лицом на тротуаре больно, и дышать стало

тяжело.

– Можно я сяду? – слабо спрашиваю я. Жду секунду и продолжаю: – У меня нет никакого оружия, честно. Просто хочется сесть.

Сапог перестает давить на спину, меня подхватывают две сильные руки и поднимают. Я отклоняюсь назад и, почувствовав край бордюра, пытаюсь на нем устроиться. По крайней мере, осколки теперь находятся чуть дальше от моего лица. Провожу рукавом по щеке, стряхивая пыль и осколки стекла.

Хозяйка магазина все говорит и говорит, а я задумываюсь, уж не отправят ли меня сегодня в камеру. Она признается, что у нее есть видеозапись темнокожего парня в серой кофте, говорит, я вламываюсь в магазин не в первый раз, но *такой* разрухи еще не устраивал, и чем больше я слышу, тем яснее понимаю, что в следующий раз бабуля и мама увидят меня уже в клетке.

Глава 3

ОТ ПОПЫТОК сдержать слезы у меня уже ломит челюсти. Я вздыхаю и перекрещиваю ноги, чтобы они не затекли. Женщина говорит уже целую вечность и не собирается замолкать. Я слышу знакомый звук. Наверху что-то щелкает, затем разносится глухой свист, и у меня замирает сердце. Я смотрю на полицейского, на хозяйку магазина и гадаю, слышат ли они то же самое. Но Человек-Паук уже тут.

– Вы не того поймали, офицер, – говорит Питер таким привычным мне голосом, опускаясь с крыши на паутине и мягко приземляясь. Он смотрит на меня через плечо, и я ни-

как не могу понять, разочарован ли он, жалеет меня, недоумевает или все вместе. Но вдруг, хоть я и не сделал ничего дурного, я испытываю незнакомое мне чувство, а к горлу подкатывает ком.

Мне стыдно.

Полицейский переводит взгляд то на меня, то на хозяйку магазина, то на Человека-Паука, не выпуская из рук папку-планшет, и переступает с ноги на ногу.

– Человек-Паук, он подходит под описание. Темнокожий, в серой кофте с капюшоном, к тому же *на* месте преступления...

– О, правда? – спрашивает Питер и показывает вверх. – А это тогда кто?

Все мы поднимаем глаза и видим, как между зданиями, в коконе из паутины раскачивается какой-то парень. Видно только его лицо, и когда парень дергается, за затылком раскачивается его капюшон.

– Кхм, – произносит полицейский, не сводя глаз с парня. – Ну и дела.

Я вздыхаю и закатываю глаза. Полицейский понятия не имеет, что *другой* Человек-Паук сидит перед ним и объясняет, что не имеет никакого отношения к ограблению. Но раз я не в костюме, то мои слова *ничего* не значат.

Через несколько минут на мне уже нет наручников, порезы протерты антибактериальными салфетками из магазина, ноздри заткнуты бумажными платочками, а я вытряхиваю из

одежды осколки. Хозяйка магазина не говорит мне ни слова, хотя уже знает, что я не врывался в ее магазин, а наоборот, пытался остановить грабителя. Она лишь смотрит на меня, будто до сих пор уверенная в моем участии в преступлении, а если и нет, то нечего было оказываться в такой одежде рядом с ее магазином. Я отвечаю ей недовольным прищуром. Все прощаются и обмениваются последними любезностями.

Мы с Питером идем по переулку, и я не могу найти слов. Шаг. Еще один. И еще.

Для Гарлема сейчас очень тихо. Иногда вдалеке воет сирена, в соседних домах у кого-то звякнет кастрюля или сковорода – наверное, скоро ужин.

К счастью, мне не приходится самому заводить разговор.

– Ну и как так? – начинает Питер, приобняв меня за плечи. – Не знаю, что там стряслось, но с тобой-то все в порядке?

У него всегда спокойный голос. Я такому самообладанию могу только позавидовать. Прочищаю горло и едва выдавливаю:

– Да. Да, я в порядке.

Теперь, когда мы вдалеке от разъяренного служителя порядка, Питер останавливается и поворачивается ко мне.

– Майлз, – произносит он, неуверенно скрестив руки и прижав их к груди, как будто ему очень неловко спрашивать. – Ничего не хочешь рассказать?

Я заставляю себя посмотреть в глаза Питеру Паркеру, который никогда не заставлял меня чувствовать себя так, будто

я совершил ошибку или разочаровал его, и перед которым сейчас я себя чувствую невероятно нелепо.

Как щенок, которого строго спрашивают, зачем он нагадил в клумбе.

Я пожимаю плечами и смотрю в сторону.

Нет. Я не хочу ни о чем говорить. Совсем. *Хочу* только найти Ганке, вернуть на место его рюкзак и забрать свой, пока он не нашел мой костюм, а потом раскачиваться над городом на паутине, забыв обо всех сегодняшних недоразумениях.

— Хм... — я пытаюсь начать говорить, ведь, чего бы я там ни хотел, Питер имеет право знать, почему его питомца несколько минут назад чуть не арестовали за кражу. — В общем, я видел, как тот грабитель ломится в магазин и... оказалось, что маски с собой у меня нет... Я пытался его схватить, но он сбежал, а хозяйка магазина приняла меня за него... и потом меня скрутили.

Питер повернул голову и глянул через плечо на полицейского, а потом потянул меня за собой подальше от копов.

— Постой, а почему у тебя маски нет?

Я заливаюсь краской и чешу затылок.

— Ну, это длинная история. Но скоро она будет у меня.

Под недоумевающим взглядом Питера я ощущаю себя школьником, который силится объяснить учителю, почему пришел без домашнего задания. И мне нужно назвать какую-то весомую причину. Нет, настоящую. Я вздыхаю и ка-

чаю головой – просто невероятно, как глупо вышло. Как легко это было предотвратить.

– Сегодня приходил помочь Ганке, а когда уходил, перепутал рюкзаки.

Беру рюкзак, открываю и показываю Питеру лежащие внутри комиксы.

– Но ничего страшного! – тараторю я, видя, как Питер рассерженно кладет руку себе на лоб. – Ганке бывает только в двух местах: у родителей и в общежитии. Я уверен, у родителей он рюкзак не оставит, ведь завтра на учебу, поэтому рюкзак точно у нас в комнате. Сегодня же заберу.

Питер шумно выдыхает. Надеюсь, с облегчением.

– Ну ладно, – говорит он. – Вроде бы неплохой план. Но без твоих сил быстро добраться до Бруклина не так легко. Хочешь, я вместо тебя?...

– Нет! – резко возражаю я. – Ведь это моя вина. *Моя* ошибка. Дай мне самому ее исправить. Хорошо?

Оказаться подозреваемым в ограблении может любой, кто объявится не в том месте и не в то время. Но вот забыть о самой главной своей вещи – костюме Человека-Паука – и случайно позволить соседу по комнате ее увезти? Так нельзя. Мне было бы стыдно забыть дома форму рабочего «Бургер Кинга», что уж говорить о... ну, костюме... *Человека-Паука*.

– Ладно, – соглашается Питер, похлопав меня по плечу. – Это мне в тебе и нравится, Майлз. Чувство ответственности. Только... знаешь... постарайся не попадать не в то место и

не в то время?...

Он снова смотрит на полицейского, который занят арестом на этот раз настоящего преступника. Однако что-то в голосе Питера на этот раз кажется чужим и странным – по крайней мере, мне. Я ведь старался *помешать* преступлению. Разве не этим мы должны заниматься? А он говорит не оказываться не в том месте не в то время?

Я же Человек-Паук! Это *главные* занятия в моей жизни. Но без костюма нельзя. Чувствую, как внутри поднимается волна возмущения. Так не должно быть. Что же мне делать?

– Будь я в костюме, мне бы только обрадовались, – угрюмо говорю я и тут же жалею. Звучит, будто я капризный мальчишка-нытик, а я рассчитывал совсем на другое впечатление. – Просто... я очень сильно расстроился.

Питер вздыхает.

– Знаю, – говорит он, снова кладя мне руку на плечо и заглядывая в глаза. – В этот раз нам просто не повезло. Вы с тем парнем очень похожи, даже одеждой. Не злился на офицера Купера, хорошо? Он просто ошибся.

То есть, по сути, Питер говорит, что если бы я выглядел иначе – например как *он*, то и мне бы в ту минуту были рады. Я закипаю от злости, но решаю пока сосредоточиться на возвращении костюма.

– Пора, – бормочу я, отхожу от Питера и иду по переулку в сторону 116-й улицы, где можно сесть на нужную электричку.

– Майлз! – окликает меня Питер. Но сейчас я не в состоянии вести беседы. Слишком много всего. Предполагается, что я супергерой, но *как* им быть, если во мне видят злодея только из-за цвета кожи? Я бегу по улице, сворачиваю за угол, не думая о том, как легко меня принять за преступника, который «что-то украл» и пытается скрыться, и на глазах у меня опять выступают слезы.

– Прости, папа, – шепчу я, добравшись до станции и сбегав по ступенькам в темное царство вонючих испарений и застаревшей грязи. – Я пытался.

Глава 4

НАШЕ общежитие находится прямо в центре Бруклина, всего в паре кварталов от Бруклинской академии «Вижнс». Комната у нас маленькая, но это наш дом. Ну, *второй* дом, скажем так. Я долго считал, что моим единственным домом будет родительский, даже когда переехал в общежитие. Сначала было странно, просто как-то иначе. Холодно и не домашнему. Хорошо, еще не как в тюремной камере. Но потом, после нескольких вечеров за домашними заданиями, лапшой быстрого приготовления, фильмами и болтовней ни о чем с Ганке, это место перестало казаться мне таким уж

необжитым. А теперь... Теперь здесь привычнее, чем дома у бабушки.

По крайней мере, пока.

От бабули сюда долго добираться, около часа. На паутине – в два раза быстрее. Но костюма у меня сейчас нет, я просто Майлз, парень, который пересел с одной электрички на другую и едет в наушниках с телефоном в руках. Я стараюсь не качать головой в такт, но песня играет *отличная*. Закрываю глаза. Мне чудится, как я лежу на кровати, и каждый такт кажется ярким всполохом. В комнате темно, и я представляю себе, как ее заливают сверканием диско-шара, которые появляются и исчезают, вторя битам, а я от души танцую. Я будто и правда оказался в своей комнате, по крайней мере в своих фантазиях.

Но это чувство быстро тает.

– Следующая остановка – Клинтон-Вашингтон, – трескучий и грубый голос вырывает меня из фантазий. Я открываю глаза, встаю, закидываю рюкзак Ганке на плечо. Ступая на платформу, где рассыпается, огибая меня, толпа людей, я думаю, успел ли он уже заглянуть в мои вещи. И если да, что тогда будет? Я вздыхаю и пытаюсь вновь отдаться музыке, но не получается: теперь меня занимают другие мысли. Возможно, он уже знает, что я Человек-Паук. Выходит, за один день я выдал свой секрет *и* чуть не попал в камеру. А ведь Питер даже не закончил мое обучение! Как можно было *так* облажаться?

Расстроенный, я хмурюсь и пинаю плитку на дороге. Мимо пробегают подростки на пару лет младше меня и взлетают по ступенькам, на ходу врезаясь в мое плечо. Сначала меня немного раздражает, что я не слышу от них ни «простите», ни «извините», ни хоть *чего-нибудь*, но потом я отвлекаюсь на другую мысль: насколько же проще быть обычным подростком, которого не заботит, кого он почти сбил в метро, не заботят какие-то особые костюмы, суперсилы и преступления, которому не нужно бросаться *в самое* сердце хаоса.

Нет, я ничего не говорю, иметь суперспособности – это очень *здорово*. Кто бы отказался уметь одним щелчком выпускать паутину из запястья и летать на ней над городом, карабкаться по стенам высоток или заранее ощущать опасность? Но иногда бывает сложно.

Как, например, сейчас.

Я стою перед зданием общежития и вспоминаю, что говорил Ганке об охраннике: вредный типчик. Без именного бейджа он меня не пропустит, а тот лежит в переднем кармане моего рюкзака. Я и не думал, что придется пробираться в собственную комнату ради возвращения собственного рюкзака. Ганке всегда пристегивает свой бейджик к джинсам и не снимает его ни в учебные дни, ни в выходные, как делает любой, кто заодно подписывает свои вещи на специальном ярлычке.

– Ну и что, что параноик, – не устает повторять он. – Лучше быть готовым ко всему.

И, кстати, именно так сказал бы любой, кто пристегивает бейджик с именем к джинсам, если его попросят объяснить, зачем он это делает.

Я стою в темноте перед зданием, чувствуя на лице первые капли дождя, и знаю, что не смогу пройти мимо охраны – если только не сделаю подкоп или не пролечу сверху, но радиоактивный паук, который меня укусил, не умел ни того, ни другого. Ну почему у него не было способности к маскировке или еще чего? Я направляюсь в переулок, идущий вдоль кирпичной стены общежития, и надеюсь, что Ганке уснул с открытым окном, несмотря на дождь. Он, кстати, всегда следит за прогнозом погоды.

Ведь как же иначе?

Я внимательно всматриваюсь туда, откуда пришел, заглядываю в каждый уголок и в дальний конец переулка. Никого. Прикладываю руку к стене и закрываю глаза. Я ощущаю несильное натяжение, как будто моя рука приклеивается к стене на двустороннем скотче или в кончиках пальцев у меня установлены магниты.

Видимо, из тех магнитов, которые притягиваются к стенам...

Одна ладонь приклеилась, затем другая, затем левая ступня и, наконец, правая. Вскоре я уже передвигаюсь по стене с той же легкостью, что и по полу, попеременно переставляя руки и ноги. Я не свожу глаз с окна на пятом этаже – там угловая комната, немного левее от меня, ближе к улице.

Преодолев примерно три этажа, я вдруг слышу, как кто-то с резким звуком втянул целую кастрюлю макарон с сыром и кетчупом. Я вздрагиваю и застываю, но все же умудряюсь не отклеиться от стены. Стараясь не дышать, я оборачиваюсь и смотрю по сторонам.

Что это было?

Где-то поблизости шуршат одеяла. Я поворачиваюсь на звук и замечаю в здании напротив, за моей спиной, окно. С ужасом понимаю, что за ним в темноте сидит парень моего возраста и смотрит прямо на меня. Его взгляд буравит мне душу. Я не шевелюсь. Я в ужасе. Видел ли он, как я ползу по стене? Понимает ли, что я Человек-Паук? Свет падает в его сторону, а значит, ему должен быть виден только мой силуэт, но вдруг он все-таки рассмотрит лицо? И как мне поступить? Притихнуть и ждать или попытаться скрыться?

Но вот я наконец получаю ответ на все свои вопросы. Человек покачивается и спрашивает у кого-то невидимого:

– Барбара, ты опять пустила кошку в номер для новобранных?

Я не двигаюсь и не понимаю, что он такое несет. Если он спрашивает не меня... может, по телефону? Но это еще более странно.

– Кошка и *есть* подружка невесты? – И очень медленно, когда веки его снова тяжелеют и глаза закрываются, парень падает на кровать.

Я *глубоко* выдыхаю (такого облегчения я не чувствовал

еще никогда) и двигаюсь дальше вверх. Надо будет сказать Ганке, если я хоть раз вытворю нечто подобное во сне, ни одна живая душа не должна об этом узнать. Я добираюсь до окна нашей комнаты, и – вот повезло! – мой сосед оставил его открытым, а сам уснул, завернувшись в одеяло, и сладко сопит. Можно забирать рюкзак. И мне *действительно* лучше не шуметь. Если я его разбужу, пока буду перекладывать рюкзаки, то он точно узнает мой секрет. Я сглатываю, собираю волю в кулак, осматриваюсь и только потом решаюсь забраться в комнату. Если бы только найти... вот он!

На полу у рабочего стола, прямо напротив огромной стопки комиксов высотой почти до столешницы. Как один человек может в таком количестве поглощать комиксы? И *зачем* они ему *все* в общежитии? Закатываю глаза и улыбаюсь. Пора готовиться к спецоперации по возврату рюкзака законному владельцу. Забираюсь на подоконник и опускаю на край ступню, как раз когда Ганке издает *громчайший* храп и переворачивается на живот одним легким движением, как блинчик, который подкидывают над сковородкой. Я забираюсь внутрь тихо и осторожно, как кошка, и пересекаю комнату, впечатляясь, насколько бесшумно я иду в промокших насквозь прорезиненных ботинках. Но ведь пауки тоже не издают ни звука, даже под дождем.

Хотя, надо признать, мне ни разу не приходилось видеть паука в кроссовках на резиновой подошве. Неважно, пока остановимся на том, что они не издают ни звука.

Я беру свой рюкзак, осторожно опускаю на пол тот, с которым пришел, и вдруг понимаю, что он промок и теперь кажется *гораздо* темнее моего. Вспоминаю, что рюкзак Ганке, с которым я ходил под дождем, под завязку забит комиксами, и начинаю паниковать еще больше.

Комиксы делают из бумаги. А бумага портится от воды.

Осторожно и как можно тише я расстегиваю молнию и просовываю руку в самое большое отделение рюкзака. Щупаю обложку верхнего комикса. Облегченно вздыхаю: сухие, как смех Джей Джона Джеймсона.

Закрываю рюкзак, закидываю на спину свой и направляюсь обратно к окну. Храп Ганке снова рассекает воздух, и я застываю, вперившись в него сквозь темноту. Он переворачивается на бок, а я снова иду к окну, осторожно прокладывая себе путь через комнату. Я почти достиг цели, как вдруг...

Хрясь!

Комнату насквозь пропарывает вспышка света, повсюду разлетается стекло, мне в лицо летит плафон от лампы, я выпускаю из рук рюкзак и падаю на пол. Ганке вскрикивает и подскакивает вместе с одеялами, падает с кровати и останавливается, врезавшись в стол. Плафон каким-то образом оказывается у меня на голове, и Ганке выкрикивает «*кто здесь?!*», будто увидел – или услышал – привидение. Я робко поднимаю плафон и смотрю на Ганке. Его рука лежит на выключателе, а в другой он сжимает совок для пыли и угро-

жающе тычет им в меня.

– Эй, Ганке, – нервно проговариваю я. – Это всего лишь я, Майлз. А про себя думаю: «Так, Майлз, давай-ка сочини правдоподобную байку, избавь себя от неловкого положения».

– Всего лишь ты?! – возмущается Ганке. – Ты разве не знаешь, что у меня астма? Как тебе вообще в голову пришло пугать меня среди ночи?

– Сейчас объясню, – говорю я, шагая в его сторону и вытягивая вперед руки, будто стараюсь успокоить перепуганного зверя. За сегодня уже второй раз такое. – Мы с тобой перепутали рюкзаки, – объясняю я, поднимая свой и перекидывая его через плечо. Достаяю из шкафа веник. Ганке смотрит на меня, словно не узнавая. – Я хотел зайти, забрать сумку и по-тихому выйти, но споткнулся и разбудил тебя.

– А... ясно, – почесывая голову и потирая глаза говорит Ганке. – А чего не подождал до завтра? Встретились бы в школе да и поменяли. – Он потягивается и зевает.

– Ну... – тяну я, стараясь выиграть время и думая над ответом. – Ну, у меня там кошелек остался. Ты же знаешь, я не люблю просить деньги у мамы. Не хотел, чтобы она волновалась из-за потери рюкзака. С нашим переездом у нее и так полно забот. Ну я и решил сам разобраться с этим.

По взгляду Ганке складывалось впечатление, что он задумался над моими словами, а мне это сейчас совсем не нужно. Вдруг он соберет всю эту кашу в единую картинку? Если

поймет, *кто* я? Быстро решаю сменить тему.

– Кстати, у тебя ведь там комиксы. Вот скажи, как ты успеваешь их читать такими пачками? И где твои учебники? – спрашиваю я, усмехаясь.

Ганке улыбается в ответ. А потом переводит взгляд с двери на открытое окно. Дергает ручку двери.

– Постой-ка. Если все вещи у тебя в рюкзаке, то как ты прошел охрану без пропуска и попал сюда? Ты же не...

Его взгляд застывает на открытом окне позади меня. Я, увлеченно подметая мусор, смотрю на своего соседа.

– Ты что, через окно забрался? – спрашивает Ганке, переходя на шепот. Он идет ко мне, оглядываясь, будто желая убедиться, что никто не подслушивает, хотя в комнате мы одни.

– Ага! – поспешно выпаливаю я. *«Майлз, ну что же ты? Соображай, как отболтаться. Ты же мог соврать! И это было бы очень вовремя!»* Но что тут можно выдумать? Я прошел сквозь стену? Или через вентиляцию? Прополз через канализацию и вылез из унитаза, как клоун-маньяк? – Да там просто лестница была приставлена, а окно открыто. Удобненько, а?

Ганке со всех ног бежит к окну и едва не вываливается на улицу. Обернувшись ко мне, отчеканивает:

– Там от лестницы до земли метра три. Ты хочешь сказать, ты полз по стене?

– А? – Я выглядываю из окна, как будто удивлен не мень-

ше, чем Ганке. – Чувак, честное слово, там внизу *был* высокий мусорный контейнер. Наверное, кто-то откатил.

Ганке скрещивает руки на груди и несколько секунд в упор меня разглядывает. Под его взглядом я начинаю потеть, но все же заметаю сор в совок и направляюсь в угол комнаты, к мусорному ведру с нарисованным на боку баскетбольным кольцом. Иду в сторону двери.

– Да *прошло-то минут пять*, не больше. – Слова Ганке пригвоздили меня к месту. – Ты хочешь сказать, что в переулок успел заехать грузовик, выгрузил мусор, потом переставил мусорку непонятно *куда*, и все это за пять минут?

– Если подумать... а почему бы и нет? Ведь грузовики, которые вывозят мусор, так и работают, да? Им очень важно работать быстро. Как думаешь, сколько всего грузовиков ездит по Бруклину? Наверное, много. Правда?

– И это в час ночи.

Пот на голове скатывается в капельки, но я продолжаю гнуть свою линию.

– Ну, машин на дороге меньше, – я пожимаю плечами и бросаю взгляд на улицу проверить, правда ли в такое время почти никто не ездит. – Слушай, Ганке, я понятия не имею, кто, зачем и как убирал контейнер. Все, что я могу сказать, – я добрался до лестницы по мусорному контейнеру, но сейчас его там нет.

Ганке до сих пор стоит, скрестив руки на груди, и притопывает носком ноги. Точно так же поступает моя бабуля, ко-

гда выясняется, что я не вынес мусор – но ведь дело не в том, что я не собирался этого делать. Просто все иногда могут быть забывчивыми. Лицо Ганке – живое воплощение сомнения, он мне не верит. Я чувствую, как капля пота оставляет на шее влажный след.

Пора уходить.

– Спускаюсь лучше как обычно, – говорю я, прочистив горло, и направляюсь мимо друга к выходу. Я старательно не смотрю ему в глаза, потому что не умею выдерживать *недоверчивый* взгляд на близком расстоянии.

– Майлз, – шепчет Ганке, и я застываю на месте. Медленно поворачиваюсь.

– Да?

«Пожалуйста, не спрашивай меня ни о чем, не спрашивай, не спрашивай», – умоляю его про себя.

– Если бы что-то случилось... что-то плохое. Если бы с тобой что-то стряслось... ты бы ведь рассказал? – спрашивает он, мой настоящий друг, которого волнует Майлз.

Где-то в желудке чувствую укол вины. Переступаю с ноги на ногу, как обычно делаю, когда волнуюсь, а я всегда волнуюсь, когда вру.

– Конечно, а как же? – Я выдавливаю из себя улыбку и надеюсь на ее убедительность. Хлопаю своего друга по плечу. – Мы же друзья. Я рассказываю, что происходит у меня, ты – что у тебя.

Мы стукаемся кулачками на прощанье, и я снова направ-

ляюсь к двери.

– Давай до понедельника? – спрашиваю я.

– Да, – отвечает Ганке, и по голосу становится ясно, что мои отговорки его не убедили. – Увидимся.

Пока спускаюсь по лестнице, чувствую вибрацию в кармане джинсов. Наверное, это мама наконец увидела мое сообщение о ситуации с рюкзаком. Прислоняюсь к стене и делаю глубокий вдох, готовясь к разговору.

– Алло?

– Майлз Гонзало Моралес, ты бы знал, как тебе повезло, что я уснула на диване! – говорит она напряженно, но без злости.

– Мам, прости! Просто в рюкзаке остался учебник по истории, а нам по нему задание на выходные задали.

– Мы бы могли съездить завтра вместе! У меня выходной. Ох, Майлз, ты как будто нарываешься на неприятности. Ты видел время? Где ты? Я поймаю машину и заеду за тобой, так будет быстрее...

– Мам, не надо, я с Питером.

Это еще что такое было? Зачем сейчас-то врать? Я вообще не собирался *видеться* сегодня с Питером, особенно после происшествия в магазине. Но мне нужно немного времени. На все. Подумать. Успокоиться. Выпустить пар.

Мне нужно время.

– Мам, я пойду, ладно? – спрашиваю я. – Но у меня все хорошо, честное слово.

Она вздыхает.

– Иди домой, Майлз.

И я знаю, что эти слова на самом деле значат гораздо больше. В них звучит: «Ты мне нужен. Я тебя люблю. Мне нельзя потерять вас обоих».

Не потеряет.

Я прощаюсь с мамой, спускаюсь на первый этаж, попадаю в вестибюль, с опаской машу охраннику и изо всех сил стараюсь *не* выглядеть, как человек, который выходит из здания, в которое не заходил. Выйдя на улицу и собираясь свернуть в переулок, где якобы стояла выручившая меня мусорка, я вдруг застываю на месте. Из окна торчит Ганке и смотрит вниз, как раз туда, где должен был быть мусорный бак. Я вздыхаю. Надеюсь, моей увлекательной истории ему хватит и он не будет задавать лишних вопросов.

Жду, пока мой друг уйдет в комнату, прячусь в тени и склоняюсь над своим рюкзаком. Наконец можно выдохнуть: сейчас я расстегну молнию, достану костюм и стану тем, кем действительно хочу быть.

Глава 5

МОЯ МАСКА, гладкая и приятная на ощупь, хорошо пропускает воздух. Ее почти невозможно порвать – она из *очень* эластичной резины и обработана так, чтобы защищать от холода. Как обычно, первым делом я надеваю именно маску: если кто-то увидит, как я облачаюсь в костюм, по крайней мере, не рассмотрят моего лица. Затем натягиваю легинсы и шорты, втискиваюсь в водоотталкивающую кофту, закрепляю на запястьях веб-шутеры и мгновение трачу на ощущение их веса на руках.

Я вдыхаю ночной воздух и вглядываюсь в небо. По мас-

ке барабанит дождь, а мне не терпится взметнуться ввысь. Кроссовки – в рюкзак, вещи наматываю вокруг него, чтобы никто не заметил логотип Бруклинской академии. Все вместе отправляется за стоящий рядом электрощиток. Выставляю запястье вперед и вверх.

Бз! Паутина выстреливает и приклеивается к углу крыши нашего общежития, следом за ней взмываю я и, наконец, упираюсь ногами в карниз.

Так взбираться по стене гораздо проще.

Пролетая над городом размашистыми дугами на паутине, я за считанные минуты оказываюсь в центре Бруклина. По костюму колотят капли дождя, а я раскачиваюсь на паутине, по очереди выстреливая паутину то в одно, то в другое здание, как учил меня Питер. *Выстрелить* – и лететь, *выстрелить* – и лететь, ритмично и четко. Полет получается легким, как всегда. Только надо не забывать подгибать колени, когда паутина тянет меня вперед, – так получается гораздо *быстрее*. Мне кажется, примерно такие же ощущения должны быть, если несешься на «Ламборгини» на полной скорости по пустому Манхэттену без светофоров.

На такой высоте я не мешаю ни движению автомобилей, ни самолетам, которые летят гораздо выше. Только птицам приходится быть внимательнее.

Я лечу как будто со скоростью света, а в груди разливается невероятная легкость, и я только и думаю о том, чего бы интересного сегодня сотворить.

Замечаю впереди, в Проспект-парке, особенно высокое дерево и стреляю паутиной. Она приклеивается к стволу, я хватаюсь за нее обеими руками, как можно плотнее подгибаю колени к телу и закручиваюсь в воздухе. Мир бешено вертится вокруг меня, и кажется, мне вот-вот станет плохо. Я закрываю глаза и отдаюсь на волю рефлексов. Сначала меня тянет к земле, а затем упругая паутина дергает вверх.

Я смеюсь, чего не делал слишком давно, раскидываю руки в стороны и ласточкой пикирую к земле, ища взглядом следующую точку опоры.

С тех пор как я обрел способность перемещаться таким образом, Бруклин будто бы стал меньше, но наполнился волшебством. Особенно это видно ночью. Я пролетаю над озером, где мы с мамой кормили лебедей, когда я был маленьким, и над спортивной площадкой, где мы с отцом играли в баскетбол.

Добравшись до следующего дерева, я решаю остановиться.

Сижу.

Смотрю.

Вижу на скамейке рядом с баскетбольными кольцами двоих: под огромным черным зонтом темнокожие отец и маленький сын. Мальчик смотрит на отца как на героя. Он знает, что, пока папа с ним, все будет хорошо. Я ни с чем не спутаю этот взгляд, слишком хорошо его знаю. Уверен, именно так я выглядел со стороны, когда отец со сцены здания му-

ниципалитета произносил речь, а я наблюдал за ним из середины зала. На него тогда смотрела целая толпа, но для отца важнее всего были две пары глаз. Он ясно дал это понять: поднявшись по ступенькам, остановился и обернулся на нас с мамой. Сейчас от воспоминаний у меня наворачиваются слезы. Я быстро моргаю и тороплюсь убраться прочь, пока воспоминания не поглотили меня целиком.

Добравшись до угла улицы, поворачиваю у почтового отделения, запрыгиваю на фуру и еду на ней некоторое время, разглядывая уличные фонари и любителей ночных пробежек, которые как раз выбираются на улицу и ставят всевозможные таймеры на умных часах.

Скоро замечаю крышу, идеально подходящую для отдыха, на жилой многоэтажке, самой высокой в этом районе, откуда открывается прекрасный вид. Присаживаюсь на кирпич, подтягивая колени к подбородку, и вздыхаю. Мама говорит, что горе окрашивает все в жизни в оттенки безнадежности. Бесцельности. Поэтому, наверное, она и советовала мне пойти волонтером в благотворительный центр П.И.Р. вместе с Питером. Чтобы у меня был смысл вставать по утрам не только ради школы.

Надо признать, способ отвлечься от... от всего *этого* сработал. От вечного круговорота мыслей, назойливых воспоминаний, которые поджидают меня на каждом углу и в самых неподходящих местах. Я скрещиваю ноги, вздыхаю и принимаюсь рассматривать облака в небе.

В кармане вибрирует телефон. Это пришло сообщение от Ганке.

ГАНКЕ: Слушай, я так и не уснул после нашего разговора. Я тебя засыпал вопросами. Не хотел навязываться. Просто волновался, не случилось ли чего.

Я улыбаюсь. Ганке, как всегда, за меня горой. Поджимаю ноги посильнее и быстро набираю ответ:

Я: Да ничего. У меня все в порядке. Просто захотелось проветриться.

ГАНКЕ: Ладно, как скажешь. Но ты же знаешь, что можешь на меня рассчитывать? Не хочется говорить словами твоей матери, но всем иногда нужно дружеское плечо.

ГАНКЕ: Кстати, как тебе новый райончик? Ничего так? Не Бруклин, конечно, но по-своему очаровательный.

Я задумчиво вздыхаю, пытаюсь найти ответ.

Как мне новый райончик?

В Восточном Гарлеме есть своя красота: в музыке, в его запахах, уютных крылечках, в ощущении обжитого места, где одно поколение людей *сменялось* другим.

Я: Там мило.

ГАНКЕ: Конечно, не сразу привыкнешь, что теперь это твой дом. Но походи по окрестностям. Когда мы переезжали, мне это помогло. Люди классные там живут. Миссис Мак, у которой магазин комиксов, например, просто улёт. Я собираю для нее бумагу: парень наверху вечно комкает бумагу и кидает на крышу над витриной. Мне приходится туда лезть каждый раз. *Зато* скидка на все комиксы – полцены.

С одной стороны, приятно знать, что парень моего возраста может без труда найти свое место в Восточном Гарлеме. С другой, Ганке прожил там уже несколько лет. У него было время привыкнуть и прижиться, а у меня нет, и мне немного страшно от незнания, сколько времени мне на это понадобится.

ГАНКЕ: Я хотел сказать, что ты не один, пока есть я. Тебе непривычно, но бояться нечего. Это не навсегда.

Я с благодарностью улыбаюсь, прочитав сообщение, и отправляю ответ:

Я: Спасибо, друг.

ГАНКЕ: Не за что. Важное мы обсудили, а теперь смотри сюда.

К сообщению прикреплена фотография. Снимок темный и зернистый, да и фотограф не вытер со стекла капли дождя, но запечатлен явно переулочек. Я наклоняюсь к самому экрану и, щурясь, пытаюсь разобраться, что это за странное пятно слева: рядом с мусорным баком валяется какая-то неясная темная кучка или, может быть, смятый черный плащ. В любом случае, похоже, ничего примечательного. Пятно размером с человека, да, *крупное*, но ничем не отличается от выброшенных вещей, которые легко можно найти по всему Бруклину.

Я: Кто-то потерял мантию от костюма на Хеллоуин?

Ганке: Для Хеллоуина рановато. Да и для костюма слишком уж большой размер. Мне кажется, это какой-то громадный человек.

Ну ладно, кто-то случайно перебрал и вырубился в переулке прямо в костюме. Все равно ничего необычного.

Я: Может, ему помощь нужна. Это ты фотографировал?

ГАНКЕ: Не-а. Я лежу в кроватке в пижаме. Помнишь, с Человеком-Пауком которая? Пью горячий чаёк. Но кто-то это сделал и видео снял. Ты только посмотри!

Приходит новое сообщение: картинка с кнопкой воспроизведения. Нажимаю и готовлюсь увидеть какую-то невообразимую дикость. Естественно, поначалу там только пустой переулок, мусорка и дождь. Но вдруг в кадре появляется крупная фигура в плаще. Я ожидал увидеть кого-то гигантского, но это силуэт высотой примерно с мусорный бак или ростом с ребенка. Присматриваюсь и понимаю, что человек сильно согнулся и склонился набок.

ГАНКЕ: Смотри на ноги.

Опускаю глаза туда, где заканчивается черный плащ, и вижу неожиданно тонкие лодыжки. Ужасно тонкие. Не толще карандаша. Честное слово, как веточки.

Я: Может, обувь на шпильках?

ГАНКЕ: Под костюмом птицы?

Закрываю окошко с текстом и продолжаю смотреть видео: плащ, точнее, то, что я поначалу *принял* за плащ, на самом деле больше похоже на лоскуты. Длинные лоскуты, будто перья, прибитые дождем к телу. Фигура вдруг останавливается. Если бы не было видно падающих капель дождя, я бы решил, что запись зависла. И на записи никаких звуков, как на видео с камеры наблюдения.

А потом фигура повернулась.

Открывшаяся картина приводит меня в шок. У этой... гу-маноидной птицы... есть клюв, размером даже больше головы! Когда незнакомец полностью повернулся, стало возможно разглядеть, насколько клюв острый и опасный. Про себя я уже решаю, что это маска, но вдруг клюв открылся, и я замечаю, как существо приподнимает к нёбу язык.

Затем неизвестный снова отвернулся и пошел по переулку, а дойдя до мусорного бака, медленно опустился на колени и завалился на землю, в довершение врезался в бак и упал огромной пернатой кучей, из-под которой торчали тонкие ноги-веточки.

Я прокашливаюсь и тру лоб.

На человека непохоже. И ходит не так, и выглядит не так. Зато есть клюв и перья!

Я: Выглядит... жутко. Это человек?

ГАНКЕ: Не знаю! Выглядит как страус с вороньим клювом размером с бензопилу. Кто бы это ни был, я рад, что вы с ним не встретились, когда ты лез в окно.

Я дочитываю сообщение, а по спине от страха ползут мурашки. Если видео настоящее – с нынешними возможностями интернета и умирающими от скуки людьми все возможно, – то я *вполне мог* столкнуться с этим существом. Если оно

в Бруклине, возможно, сегодня мы были буквально в шаге друг от друга. И, возможно, оно захотело бы меня убить.

Я: Похоже на неудавшийся научный эксперимент.

ГАНКЕ: Что верно, то верно. Кстати, о науке. Нам завтра в школу рано.

Я: Знаешь что, *ты* это начал!

Улыбаюсь и засовываю телефон в карман. Ганке прав, но сейчас я совсем не собираюсь домой и тем более ложиться спать. Я еще не успел вдоволь нагуляться по ночному городу.

– Привет, – раздается за спиной. Я подскакиваю от неожиданности и чуть не падаю с крыши, только чудом успеваю зацепиться за край правой рукой и левой ногой. Сердце бешено колотится, каждый волосок на теле стоит дыбом. Поднимаю глаза и вижу, как из тени выходит Питер, выставив руку вперед, будто пытаюсь меня успокоить.

– Эй-эй, – со смешком говорит он. – Не думал, что от меня *так* воняет.

С облегчением вздыхаю, закатываю глаза и протягиваю ему руку. Он помогает забраться на крышу, где я так удобно сидел пару минут назад. Питер устраивается рядом, складывает руки на коленях и откашливается.

– Что ж, – произносит он. – Я тут размышлял о событиях этого вечера... И подумал... Может, ты хочешь об этом по-

говорить? Хотел узнать, как ты.

Я глубоко вздыхаю и подтягиваю к себе коленки, опуская на них подбородок. Мне казалось, что я хочу побыть один, но Питер, похоже, так переживает... Мне кажется, я обязан хотя бы уверить его в том, что со мной все хорошо.

Но так ли это?

Снова вздыхаю.

– А разве по мне не скажешь, что все хорошо? – решаю спросить я. Отлично сказано. Мне нравится. Расплывчато. Честно. И говорить опять придется ему, а не мне.

– Люди, у которых «все хорошо», – Питер пальцами показывает кавычки, – редко сидят ночами на крышах, обозревая мокнувший под дождем город и издавая горемычные вздохи.

Он в чем-то прав, и его фраза даже выжимает из меня слабую улыбку.

– Просто много думаю в последнее время, – отвечаю я. – О том, что... В общем, рюкзак я забрал вовремя, никто ничего не узнал, но я чуть не попался. *Совсем чуть-чуть*. Я хочу, как и ты, быть Человеком-Пауком, супергероем. Но сегодня такое чувство... все пошло не так.

– Майлз, даже Человек-Паук иногда оступается. Мы люди, пусть и в костюмах. Мы совершаем ошибки.

– Мне кажется, я не могу позволить себе ошибаться, – признаюсь я. – Если сравнивать с тобой, я и так плетусь в хвосте. Взять хотя бы хозяйку того магазина. Как можно быть хорошим и бороться со злом, если люди сразу видят во

мне преступника?

– Ну, они... В каком смысле? Почему это кто-то примет тебя за преступника в костюме Человека-Паука?

– Без него, – говорю я, многозначительно смотря на Питера. – Когда я просто Майлз.

Повисает пауза, Питер молчит, широко раскрывает глаза, а я отвожу взгляд. А потом он произносит:

– А-а.

Именно.

– Тяжко тебе, – говорит он. – Не могу сказать, что *до конца* понимаю, каково это.

Уголком глаза я вижу, как он поворачивается ко мне.

– Но в целом я понимаю, как себя чувствуешь, когда люди оценивают тебя, даже не узнав.

– Ты про Джей Джона Джеймсона?

Мы все помним, как Джеймсон на своем шоу поливал грязью Человека-Паука. Героя называли и угрозой городу, и его слабым местом, и указали, что не стоит человеку в костюме браться за работу полиции. Мой отец как раз работал в полиции, и если я хоть что-нибудь понял по его опыту, так это то, что полиция не может быть везде одновременно. Да, на полицейских тоже распространяются законы физики. И у них нет обходных путей, приходится ездить по тем же дорогам, полицейская машина не может пронзить Нью-Йорк по прямой и, минуя светофоры, оказаться в нужной точке, а супергерой может. А еще их не обучают сглаживать конфликты, а

у нас с Питером у самих по себе есть такая способность.

Для нас это нечто естественное.

Возможно, дело в том, что мы не носим оружия и слова становятся нашей единственной защитой.

Не знаю.

И не могу понять, почему Джеймсон так враждебно настроен к Человеку-Пауку. Мы помогаем, чем можем, не ожидая ни платы, ни признания, ни даже благодарности.

Иногда мне кажется, что стоит закончиться спорным темам, как все забудут и о скандальной программе Джеймсона, а потому он рвет глотку, поливая грязью супергероя и стараясь *слепить* из него очередную громкую тему. Если крикливый старик чего и боится, так это потери внимания к себе. А заняться актуальной темой Человека-Паука, которого вряд ли скоро забудут, и превратить нашу активность в Нью-Йорке в жаркую несмолкающую дискуссию о морали... Очень умно.

– Да, – отвечает Питер. – Но не только о нем. Чтобы посчитать все статьи в «Бьюгл» о том, какой ущерб я нанес городу и сколько разрушил зданий, мне едва хватило бы восьми рук.

– Точно, – вспоминаю я газетные страницы. – Как когда ты повалил вышку управления воздушным движением у причалов в погоне за Доктором Октавиусом?

– Было дело.

– А еще как-то Рой во время вашей драки запустил бак-

терии в здание суда, и они проели стены насквозь.

– Да, и это тоже.

– А когда вы дрались с Мистером Негативом, метро выбросило наружу...

– Так, так! – перебивает меня Питер и поднимает руки, жестом призывая замолчать. – Много еще историй было, и в каждой я участвовал, да.

– Извини. – Мое лицо пылает от стыда. Я думал, что если сам буду Человеком-Пауком, то смогу и к *Питеру* относиться не так восторженно, но, по-видимому, с фанатской страстью так просто не совладать. – Я читал статьи, в которых Человека-Паука выставляли приносящим только убытки и разрушения. Но мне всегда казалось, что на самом деле никто так не думает.

– О, это ты зря, – со вздохом объясняет Питер. – Мэри-Джейн как-то попросили написать обличительную, так сказать, статью о том, что Человек-Паук подвергает город слишком большому риску и нельзя позволять ему бороться с преступностью в Бруклине самому по себе, «необходимо строго регулировать его активность, как и деятельность других муниципальных служб».

– Муниципальных служб? – переспрашиваю я. От такого наименования супергероя хочется поморщиться.

Питер снова вздыхает.

– Некоторых больше заботит доход от жизни города, чем благополучие жителей. И такие люди никогда не изменят от-

ношения к нам, всегда будут считать, что мы слишком дорого обходимся. Они забывают, что под масками каждый из нас – обычный человек, который просто помогает другим людям.

Да уж, мне ли не знать.

Если бы Джей Джона Джеймсон знал о дяде Бене или тете Мэй, если бы знал, как Питер заботится о Мэри-Джейн, может, он бы не торопился обзывать Человека-Паука «муниципальной службой», которую нужно строго регулировать, а увидел бы простого парня, который старается все сделать правильно.

Парня, который не сдается.

Я помню, как мой отец шел к микрофону. Никогда не забуду эту картину, хотя после взрыва я и потерял сознание. Не забуду.

Возможно, если бы все знали, что теперь есть *еще один* Человек-Паук, подросток, чей отец, полицейский, погиб во время террористического акта в городской администрации, парень, который недавно переехал и оказался в новом мире с мамой и бабушкой, на меня смотрели бы иначе.

Может, *с чуть большим* состраданием.

Но стоило мне оказаться в переулке у магазина без маски, как меня тут же приняли не за хорошего парня.

– Так вот! – бодро восклицает Питер, хлопнув себя по ноге. Он встает и вытягивает руки вверх. – Может, летаем по городу? Прочищает мысли, помогает подняться выше улич-

ного смога... А по радио и вообще говорят, что на Манхэттене воздушная йога становится все популярнее.

Похоже, в моем взгляде не отражается ни толики понимания, и Питер принимается объяснять на пальцах.

— Ну, знаешь, когда висят на гамаках? Забираешься в петлю из ткани... вот так. — Он выставляет руки, выпускает паутину из обеих запястий и, закрепив за столб электропередачи, делает из нее подобие петли. — Потом повисаешь вверх ногами, вот так. — На этих словах Питер садится на паутину как на качели, отклоняется назад и повисает вниз головой, держась одними ногами.

— О-о-ох. Ну, вообще... — Питер раскачивается взад и вперед, выгибая тело. Я слышу, как спина его несколько раз хрустит, и морщусь. *Быть не может*, что ему так удобно. — Ох, честно, очень расслабляет. Попробуй!

Сомневаюсь. Позвоночник не должен издавать такие звуки.

— Да брось! Смелее, — выдавливает он и показывает куда-то позади меня. — Для тебя столба тоже хватит.

Я оборачиваюсь и вижу второй столб электропередачи. Оказывается, делать петли, как показывал Питер, совсем не сложно, и спустя мгновение у меня есть собственный терапевтический паутинный гамак для релаксации. Я повисаю вниз головой, и тут же чувствую, как напряжение, о котором я и не подозревал, покидает мое тело.

— Ого! Обалденно, — признаюсь я.

– Я же говорил!

– А знаешь, что еще лучше? – говорю я и перекидываю паутину от своего столба к тому, где висит Питер, а потом располагаюсь на полноценном гамаке, закинув руки за голову, будто лежу на пляже в Канкуне. – Вот так-то. Не хватает только кокосового коктейля с бумажным зонтиком.

Питер усмехается.

– Тоже вариант. Главное, отдыхай.

Я смотрю в ночное небо, по большей части затянутое облаками. Капли дождя стучат по маске и по груди. Я закрываю глаза и втягиваю свежий воздух... Ну, или то, что в нашем городе им называется.

– Эй, Майлз, – мягко зовет друг.

Я смотрю в его сторону.

– Что, Питер?

– Быть Человеком-Пауком очень непросто.

Я киваю.

– На помощь другим уходит много времени. Не забывай уделять хоть сколько-то себе. Не забывай иногда отдыхать-ся, ладно?

Вдруг я будто снова переношусь в место взрыва. Неистово моргаю, силясь рассмотреть что-то в клубах дыма и среди полыхающих обломков. Прямо над собой вижу мамино лицо. Она кричит, чтобы я приходил в себя, но я почти не слышу, ее голос будто доносится издалека. Словно я где-то в другом месте. Я растерян. Последнее, что я помню, – как

отец поднимался по ступенькам на сцену. Под глазом, в нижнем веке, у меня застрял осколок. Грудь сдавлена. Я смотрю туда, где раньше стояла сцена, а теперь остались лишь дымящиеся обломки. Отец лежит лицом вниз.

Я помню, как думал лишь о том, за сколько доберусь до него и как быстро смогу все исправить.

Мне это было не под силу.

Я не мог исправить ничего.

Снова смотрю на Питера. Я знаю, что он думает о том же, когда вспоминает дядю Бена.

– Ты говоришь, в тебе сразу видят преступника... Я *никогда* не пойму, каково это, когда судят только по цвету кожи. Не знаю, что посоветовать. Только если... попробуй узнать себя. Не торопись, выясни, что для тебя значит быть Человеком-Пауком и как это совпадает или, наоборот, отличается от моего понимания супергероя.

Он прав. Питер может обучить меня быть Человеком-Пауком.

Но не может рассказать, как быть *темнокожим* Человеком-Пауком.

«Не забывай отдыхаться», – говорил он.

Даже когда становится сложно. Даже в тяжелые времена. «Дыши, Майлз», – думаю я. Я кладу руку на красное и будто слишком большое изображение паука на костюме и думаю об особенностях моего супергеройского бремени. Паук, который укусил меня, к слову, тоже совсем другой. Питера

укусил радиоактивный. Меня – какой-то другой.

Неизвестно, те ли же у меня силы. А вдруг я могу... гораздо больше?

Осознавая весь груз ответственности, я снова вздыхаю.

Питер прав. Быть Человеком-Пауком совсем непросто, и я не жду, что станет легче. Но после нашего разговора под облачным небом и дождем, после гулких ударов молнии я будто вижу надежду, что костюм окажется мне по размеру и я пойму, как им распоряжаться, что он не будет бесполезно висеть на моих плечах.

Висеть, ха.

ПОЗЖЕ ночью, уже дома у бабушки, по сути, у себя, я волочусь вверх по лестнице в промокшем худи и джинсах, которые липнут к телу, и мечтаю скорее переодеться и заползти в сухую теплую постель. Я достаю из кармана медный ключ, вставляю в замок, поворачиваю ручку и, оказавшись в гостиной, вижу, маму, сидящую под светом торшера. На коленях у нее корешком вверх лежит открытая примерно на середине книга. На обложке написано: «Как вершить политику, не становясь политиком». Я удивленно поднимаю бровь, но решаю оставить этот вопрос на потом.

– Мам? – шепчу я, решив, что лучше разбудить ее и сказать, что я дома, и тогда она сможет спокойно лечь спать. Но мне сразу становится стыдно. Мама запрокинула голову назад, на спинку кресла, рот ее немного приоткрыт, грудная

клетка вздымается и опадает в такт дыханию. Она блаженно спит и видит сны, в которых ей не приходится обо мне волноваться. Не стоит ей мешать. Стараюсь придумать, как сообщить по-другому. Если послать сообщение, она проснется. Может, лучше всего по-старомодному нацарапать послание на бумаге.

Отыскиваю блокнот у стационарного телефона в кухне. Понятия не имею, зачем бабушке этот аппарат в наши времена. У всех – даже у нее – давно есть мобильники. С чего заводить себе телефон, который больше подходит для телемаркетинга, с которого нельзя даже послать сообщение *и* по которому звонить можно только из дома?

Наверное, это все разница поколений.

Ручка обнаруживается там же, и я пишу:

*Мам, я дома. Прости, что гулял допоздна.
Пожалуйста, не волнуйся.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.